

Е Чуи — мачеха он или нет, сейчас уже неважно, как и неважно, терпел ли он когда-то притеснения от мачехи. Важно то, что в него словно вселился великий актер: его простодушие стало настолько убедительным, что он превратился в идеальную копию Тао Яохуэя. Бай Шиу был готов вручить ему Оскар.

Выкурив сигарету, Е Чуи допил остатки воды из пластиковой бутылки, бросил туда окурок и небрежным движением отправил её в мусорный бак у дороги. Бутылка описала идеальную дугу и приземлилась точно в цель. Он отряхнул одежду, словно стряхивая невидимую пыль, и направился домой.

При жизни Тао Яохуэй редко заглядывал сюда по своей воле. С самых ранних лет он помнил лишь то, как они с матерью жили душа в душу. А потом соседи начали спрашивать: хорошо ли к тебе относится мачеха? не бьет ли она тебя тайком? Только тогда он осознал: оказывается, та женщина, что каждый день пеклась о нем и окружала такой заботой, была ему не родной матерью. Оказывается, не все мачехи похожи на ту, что из сказки о Белоснежке, — не все мечтают подсунуть отравленное яблоко, чтобы ты больше никогда не проснулся. Именно из-за этих шепотков за спиной мать решила переехать. Так они стали соседями Мэн Цзяцзя и увидели ту самую, настоящую мачеху из сказки.

Разве может кто-то искренне заботиться о чужом ребенке?

Она добра к тебе, только чтобы ты содержал её в старости.

Моя мачеха при людях тоже улыбается, но я слышал, как она говорила отцу: когда я вырасту, за меня можно будет выручить хороший выкуп.

Кто станет просто так помогать незнакомцу? Наверняка у неё есть цель, о которой мы еще не знаем.

Смотри, твоя мачеха нигде не работает, а живете вы неплохо. Может, отец оставил много наследства?

Насчет наследства он ничего не знал, но мачеха действительно никогда не работала. В его памяти она всегда сидела за компьютером, даже не выходя из дома, всегда была опрятно одета. Да и сам он с детства не знал нужды ни в одежде, ни в игрушках — жизнь была вполне достойной.

Мэн Цзяцзя постоянно, словно невзначай, подбрасывала эти мысли. Постепенно Тао Яохуэй отдалился от мачехи. Может, она и вправду растила его лишь из желания прибрать к рукам отцовское имущество? Может, она заботилась о нем только потому, что у самой не было детей и в старости ей больше не на кого опереться? Возможно...

Зерна сомнения проросли. С тех пор казалось, что мачеха даже дышит с каким-то умыслом, и каждое её слово было неправильным.

Но после смерти он увидел всё иначе. Та, которую он считал хрупкой и нежной, Мэн Цзяцзя, с фотографиями и другими доказательствами в руках нашла мать богатого наследника Чжоу

Тяньшу. Она четко и жестко заявила: это мать Чжоу заказала убийство, и если она не хочет позора, лучше принять её в семью. Мать Чжоу не хотела видеть Золушку Мэн Цзяцзя в своем доме и через младшего брата наняла водителя, чтобы просто проучить её — напугать, нанести травму, сделать инвалидом, выплатить компенсацию и покончить с этим. Но никто не ожидал, что Тао Яохуэй спасет Мэн Цзяцзя и погибнет сам. Если человек жив, всё можно исправить, но смерть — это уже серьезно. Их семья была богата, но не настолько, чтобы считаться высшей аристократией.

Да, он видел, как Мэн Цзяцзя — та самая, которую он боялся напугать громким словом, — составляла в блокноте подробный план. Как связаться со СМИ, как шаг за шагом сливать информацию, как давить и направлять общественное мнение. Невинная соседка, скрытая от его глаз, оказалась хладнокровным полководцем. Его смерть стала лишь разменной монетой в её переговорах, а кровавые фотографии с места аварии — инструментом шантажа. Ах да, всего лишь одним из инструментов.

А его мачеха, которую он считал корыстной, услышав от Мэн Цзяцзя, что всё это лишь несчастный случай, что Яохуэю просто не повезло и она ничем не может помочь, днями напролет обливалась слезами. В каком-то тумане, словно повинуюсь предопределению, она сама попала под машину на том же самом перекрестке.

В доме было чисто — мать всегда любила порядок. Хотя он старался открыть дверь как можно тише, спящая в спальне мать всё же проснулась.

— Кто там? — голос звучал встревоженно.

— Мам, я вернулся, — Е Чуи улыбнулся так широко, что глаза превратились в узкие щелочки. Мам, я вернулся. Это были слова, которые Тао Яохуэй всегда хотел сказать матери.

Вспыхнул свет. Мать вышла к нему, накинув халат. Её пижама была аккуратной, волосы — в полном порядке. Вспомнив ту, другую женщину из своих видений — растрепанную, в грязной одежде, бредущую сквозь поток машин, — Е Чуи почти забыл, что мать Тао Яохуэя была человеком, который во всем придерживался безупречности.

— Ну что за ребенок, вернулся и не предупредил. Голодный? Давай я приготовлю поесть.

Е Чуи взглянул на часы — почти десять вечера. Он с семи часов ждал Мэн Цзяцзя у офиса, боясь, что она выйдет и не найдет его, и действительно не успел перекусить.

— Мам, я не голоден... — живот предательски заурчал, разоблачая его ложь.

Мать Тао Яохуэя тоже носила фамилию Тао, звали её Тао Юэ. Она уже хлопотала на кухне. Вскоре перед Е Чуи стояла миска лапши с помидорами и яйцом.

Мать Тао вернулась на кухню, приговаривая, что сын не предупредил о приезде, в доме пусто, пришлось готовить на скорую руку, а завтра нужно рано встать, сходить на рынок и купить чего-нибудь вкусного.

Настоящая, простая жизнь.

Е Чуи жадно ел лапшу, и слезы застилали глаза, смешиваясь с паром от еды. Это были чувства, которые не принадлежали Е Чуи.

<http://bllate.org/book/20364/2036701>